

А. В. Щипков

СОЦИАЛ-ТРАДИЦИЯ

Александр Щипков
Социал-традиция

«Автор»

2017

УДК 301
ББК 87.6

Щипков А. В.

Социал-традиция / А. В. Щипков — «Автор», 2017

ISBN 978-5-462-01857-2

Книга известного русского политического философа Александра Щипкова «Социал-традиция» – это яркий, целостный, глубокий и понятный рядовому читателю анализ жизни современного общества. Автор пишет о начавшемся в мире «повороте к традиции», о переоценке роли традиции в жизни современного человека. В основе авторского взгляда лежит системный традиционализм, в рамках которого традиция предстает не набором неких общественных институтов или идеалов прошлого, а механизмом социокультурной трансляции и преемственности. Автор утверждает, что будущее России и той части мира, которая выберет социальный, а не привычный этнокультурный традиционализм, неизбежно будет связано с построением новой модели общества, основанной одновременно на идее социальной справедливости и на приверженности традиционным ценностям. В идейном компендиуме автора можно отыскать ряд отсылок к евангельской традиции социального христианства, к наследию Иоанна Златоуста и его школы, к манифестам и деятельности русского подпольного социал-христианского движения, а также к широкому спектру идей современной философской и политической мысли – от движения «радикальной ортодоксии» до школы мир-системного анализа.

УДК 301
ББК 87.6

ISBN 978-5-462-01857-2

© Щишков А. В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Владимирович Щипков
Социал-традиция
Монография

© Щипков А. В., 2017

*Я видел Русь расшатанную, неучёную, неопытную и неискусную,
преданную ученьям злым и коварным, и устоявшую!*
Н. С. Лесков. «На ножках»

Пролог

«Социал-традиция» – плод четырехлётних размышлений. Работа над книгой начиналась в тяжёлое время. К 2012 году окончательно канула в прошлое так называемая эпоха нефтяного профицита, погрузившая Россию в состояние временного наркоза.

Наркоз стал отходить – и развороченное выжженное нутро начало болеть. В это время заметно усиливалось давление на общество.

Всё, что хоть как-то соотносилось с национальными или просто нерыночными ценностями, выпалывалось из сознания людей, изгонялось из медийной повестки. Шли провокации. На Болотной площади была предпринята попытка ультраправого переворота. Общество умело раскалывали. Людям навязывали чувство коллективной вины за «совок» и «тоталитарность», обвиняли ветеранов войны в фашизме и участии в заградотрядах. «Актуальные художники» наносили удары по Церкви, стремясь поссорить её со светской частью общества. В интеллигентской среде распространялся институт рукопожатности – форма дискриминации инакомыслящих. Тогда был особенно ошутим идеологический пресс, под которым мы на самом деле находимся много лет. Хотя 13-я статья Конституции уверенно утверждает, что в стране нет единой идеологии, людям навязывался жёсткий неолиберальный образ мысли.

Стало понятно, что и история России, и сам язык, на котором говорит общество, – всё это нуждается в кардинальном переосмыслении. Стало понятно, что необходимо отказаться от мифов о безбрежных «естественных» правах, об абстрактном и никогда не существовавшем «общечеловеке», – заменив всё это обычными христианскими истинами и реальными людьми из души, плоти и крови. Теми, которые горели в танках, молились в храмах, писали прекрасную музыку и сохранили нам нашу страну и нас самих. Это была мысль о народе. Но народ является коллективным субъектом – носителем уникальной традиции. И без нормального функционирования традиции, без передачи социокультурного опыта невозможны ни прогресс, ни модернизация, ни реальная, а не процедурно-имитационная демократия.

Сразу же возник вопрос о том, почему для русской традиции так важны идеи равенства и братства, хотя на бывшем «Западе» эти два слова давно стёрли со знамени либеральной революции, оставив лишь свободу, которая превратилась в ничего не значащий ярлык.

И другой вопрос: отчего в России традиция так часто прерывалась, а опыт народа – обнулялся? Почему русский народ оказался разделён на части, а куски его территории – отторгнуты? Почему факты массового уничтожения людей, если только они совершены не коммунистической властью, выводятся из публичного обсуждения и осуждения? Почему у страны нет права на свободную эмиссию национальной валюты и на серьёзные рублёвые кредиты, а за национальные чувства приходится оправдываться? Почему 15 % населения привыкают считать «быдлом» остальные 85 %, и кто их этому учит?

Чтобы всё это понять, требовалось изучить историческую систему отношений колониальной зависимости, применив разные подходы – от миросистемного до цивилизационного.

Постепенно я пришёл к выводу о том, что история XX века в России искусственно разделена на две части – большую (1914–2014) и малую (1917–1991), причём малая не только заслоняет, но почти вытесняет большую. На самом деле разрыв традиции был подготовлен именно 1914 годом – началом геноцида носителей русской идентичности в лице русинов. А ведь это 250 тысяч уничтоженных, четверть миллиона. Знают ли школьники Талергоф и Терезин так же хорошо, как Освенцим и Бухенвальд, а если нет, то почему?

Также очень хотелось бы понять, почему нацизм, как будто побеждённый в 1945 году, откровенно реабилитирован в 2014-м. Эти вопросы встали особенно настоятельно после того, как русское национальное движение на Украине было потоплено в крови, а пепел Одесской

Хатыни вызвал ликование в среде бывшей либеральной интеллигенции. Бывшей – потому что с этого момента выражение «либеральная интеллигенция» превратилось в оксюморон для всякого человека с принципами и живой совестью.

Шли месяцы, продолжалась работа над книгой, и у меня менялось ощущение от собственного текста. В 2012 году мне казалось, что я работаю не на самое близкое будущее, а готовлю предмет для размышлений, которые будут уместны лет через десять. В 2014 году выяснилось, что время сильно обогнало и меня, и моих единомышленников, социал-традиционалистов. Оно пошло в галоп, и некоторые места текста устаревали на глазах и отставали от текущих событий. Какие там десять лет! Как бы не опоздать, думал я.

К 2015 году ситуация в стране и мире зависла в точке неустойчивого и тревожного равновесия. Для кого-то наступила новая весна народов, в нашем случае – русская весна в Крыму. А кто-то так и не получил признания своей русскости, воли к национальному освобождению и противостояния фашизму. Такое было впечатление, что разные эпохи просочились одна в другую или сплелись в прихотливый узор на ковре истории. Пришло время для более глубокого анализа и для более широких сопоставлений. Теперь никто никого не обгонял: моя работа и внешние события двигались примерно с одинаковой скоростью.

Чего бы я хотел от собственной книги, на какой эффект от неё рассчитываю? Прежде всего, на избавление моих соотечественников от многих вредных иллюзий.

Мы привыкли к тому, что выражение «жить в интересное время» не сулит нам ничего хорошего. Это результат исторических разрывов, которые имели место в русской жизни. Особенно двух последних – 1917 и 1991 годов. В обоих случаях русское общество несло невосполнимые потери. Нажитый десятилетиями и веками коллективный опыт таял на глазах и люди чувствовали себя словно на ледяном ветру – время совершало крутой поворот.

Вероятность ещё одной подобной катастрофы существует и сегодня. Но исход отнюдь не предопределён. Да и цена вопроса объективно несколько иная. Теперь решается судьба не только России, но и всего мира. Мы вместе стоим на исторической развилке. Либо опыт многих поколений будет сметён и раздавлен, что приведёт уже не к «восстанию масс», как в XX веке, а к регрессу и отползанию в пещерное прошлое. Либо человечество сможет вырваться на торную дорогу истории, с которой его грубо столкнули несколько веков назад.

Происходящее в мире сегодня – это кризис. Но, как известно, *кризис* по-гречески означает «суд». И этот момент истины, момент обнажения смысла времени есть величайшая ценность, которая будет адекватно оценена только нашими потомками. В основном об этом написана данная книга.

Александр Щипков

7 апреля 2017 года

Глава 1

Накануне смены парадигмы

Стадия зеркала. – Гуманитарный монетаризм. – Господствующая идентичность. – Идеология и дух модерна. – Крах либерального мессианизма. – Утрата моральной легитимности. – Мясо истории. – Распад транснациональной империи. – Perestroika по-американски.

* * *

В психологии есть понятие «стадия зеркала». Это момент, когда маленький ребёнок, глядя в зеркало, начинает узнавать себя – идентифицировать собственный образ.

При регрессе и распаде личности «ощущение себя» утрачивается. Человек проходит стадию зеркала ещё раз, но уже в обратную сторону.

Современное общество находится на грани утраты себя. Мы наблюдаем христианофобию, умело разжигаемую частью западного политикума, требующего от церквей одобрить аборты и однополые браки. У граждан отбирают право на открытую демонстрацию религиозной идентичности в публичных местах. Дехристианизация ведёт к потере нравственных ориентиров, а вместе с ними и ощущения коллективного «мы». Что дальше? Потеря субъектности, выпадение из истории.

Нельзя сказать, что общество об этом не догадывается и этого не боится. Догадывается. Но страх потери самоидентификации, страх «расколотого я» и захлестывающего сознания космической пустоты пока ещё не породил волю к действию. Он не мобилизует, а парализует. И в этом заключена огромная опасность.

Западный мир оказался в ситуации, похожей на ситуацию в СССР накануне перестройки. Вопрос о смене идеологической рамки давно витает в воздухе; об этом говорят и в Европе, и в США. Но далеко не все хотят этих перемен. Стражи неолиберальных догматов пока ещё на всякий случай демонстрируют охранительный рефлекс и пытаются идти привычным шагом. Нетрудно предсказать, что спустя недолгое время именно эти люди впадут в другую крайность и сделаются «твердокаменными» фундаменталистами, ретивыми поборниками «устоев». Произойдет это на наших глазах и достаточно скоро. Но сегодня ломание копий по поводу анти-тезы «религия – секулярность» или «традиция – гуманизм» ещё в тренде, и социал-традиционалистский дискурс пока ещё представляется чем-то не совсем обычным.

Между тем вопрос о смене ценностно-идеологической парадигмы ставится уже давно как религиозными, так и светскими мыслителями современного Запада – правда, в кулуарах. Он ещё не вынесен на всеобщее обсуждение. Попробуем прояснить, как возникла ситуация, когда смена парадигмы стала необходимостью даже для наиболее дальновидной части её защитников.

XX век обладает стойким послевкусием. Он давно закончился, а ощущение конца эпохи всё не проходит. Для Запада это что-то новое, а нам, родившимся в СССР, данный феномен хорошо знаком: это состояние застоя. Сегодня оно связано со сферой политических идей. Точнее, с набором ключевых политических понятий, которые задают смысловую атмосферу последних двух с половиной десятилетий.

После распада социалистического лагеря в политический обиход вводится обойма новых концептов, ранее не актуальных. Один из них – «модернизация» – был адресован странам быв-

шего советского блока и приглашал их занять место в мировом разделении труда, являясь мягким и политкорректным синонимом колониальной зависимости.

Другой пример – выражение «конец истории». Оно обрело популярность благодаря Фрэнсису Фукуяме и его книге «Конец истории и последний человек». Понятие «конец истории» также содержало в себе чёткий и недвусмысленный месседж, причём весьма радикальный по содержанию. Это было не просто подведение черты под «двуполярной» эпохой и так называемой модой на марксизм. Речь шла о том, что мировой политике вообще следует отказаться от историзма и очистить от исторических смыслов политический язык. Отказаться – в пользу чего? В пользу новой политической метафизики, в центре которой оказалось понятие общемирового либерального консенсуса.

Разумеется, идея была утопической. Консенсус не сложился. Часть мира, не входившая в среду обитания «золотого миллиарда», не приняла новые порядки – ужесточение экономической политики, курс на вестернизацию и проч. Кое-где возникли попытки занять активную наступательную позицию (вспомним саддамовский Ирак). Тогда, с точки зрения сторонников либерального консенсуса, пришёл черёд полицейских мер. Эти меры давно и подробно описаны политологами и военными аналитиками. Но нас волнует в первую очередь та сторона полицейского режима, которая выразилась в глобальной смене политического курса.

Главное изменение заключалось в том, что вместо идеи «конца истории» на первый план вышла концепция «конфликта цивилизаций». Этим понятием мы обязаны Сэмюэлю Хантингтону. Такая замена (или подмена) терминов говорила о многом. Прежде всего она, разумеется, указывала на готовность мировых элит к войне между Севером и Югом, но не только. Не менее существенно и то, что тем самым провозглашалась кардинальная смена политического языка. Вместо языка политики и экономики в мировой обиход возвращался язык культурно-цивилизационных различий. В том, что это именно возврат к прошлому или, точнее, его ремейк, нет никаких сомнений. Не важно, кто провозгласил этот путь первым, профессор Хантингтон или иранские аятоллы, но кто агрессор, а кто жертва, можно понять исходя из разницы весовых категорий двух конфликтующих субъектов.

Идеологический сдвиг, скрытый за сменой понятий и терминов, до конца не проговаривался (в угоду политическим приличиям), но подразумевался. Тем самым был взят курс на отмену всего, что успело произойти в политическом словаре за последние сто лет.

Вернёмся немного назад. До XX века европейская имперско-колониальная идеология оформлялась в романтических терминах вроде «бремени белого человека», в утверждениях о «необходимости цивилизовать дикарей». Этот лексикон устарел тогда, когда набрал силу марксизм, под влиянием которого такие явления, как мировое неравенство и зависимость одних стран от других, были переведены на язык политэкономических категорий. Поэтому во времена СССР речь шла о противостоянии двух социально-политических «систем», но не «двух культур» или «двух цивилизаций». Само существование альтернативы, пусть даже советской с её очевидными изъянами, вынуждало выбирать выражения.

После распада советского блока либеральный мейнстрим вновь возвращается к доктрине открытого, а не экономически замаскированного колониализма. И вот на повестке дня новый «конфликт цивилизаций».

Как справедливо писал философ А. С. Панарин, «стала обнажаться другая – не идеологическая, а цивилизационная суть глобального конфликта, прежде идеологически стилизованного... Ещё недавно вопрос о переходе от авторитарно-тоталитарных форм устройства к демократическим мыслился на основе формационного универсализма – закономерной общественной эволюции, не считающейся с какими бы то ни было расовыми, этническими, географическими барьерами. Теперь возобладали цивилизационная парадигма, открывающая дорогу монопольного присвоения понятий „демократия“, „свобода“, „гражданское общество“ западной цивилизации в качестве их единственного аутентичного истолкователя и носителя. Демо-

кратическое неприятие тоталитаризма обернулось неприятием незападных цивилизаций как находящихся на подозрении в силу самой их природы. Природу же, как известно, не изменишь: изгнанная в дверь, она вернётся через окно»¹.

Это был знак того, что последние приличия отброшены. Либеральная теория сделала семимильный шаг назад и остановилась где-то посреди эпохи Британской Ост-Индской компании. Ведь от концепции культурной полярности (вариант прежнего «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись») полшага до идеи культурной исключительности, а затем и биологического превосходства.

И эти полшага были сделаны в 2014 году. Ультраправый переворот и геноцид русских на Украине были поддержаны ведущими западными странами. Было дано молчаливое согласие на «выравнивание» военно-террористическими методами национального состава Украины для создания мононационального государства в границах бывшей многонациональной УССР. В то же самое время происходит легализация неонацистской идеологии. США и Канада демонстративно проголосовали против резолюции ООН о недопустимости героизации нацизма.

Это было знаковое событие. Оно свидетельствовало о том, что либеральное общество вступает в состояние новой архаики, подобное тому, которое имело место в 1930-е годы. Выражения «генетический мусор», «потомственные рабы», «форпост европейской цивилизации», «белая раса князя Ярослава» становятся нормой.

Сегодня можно констатировать регресс и архаизацию либеральной общественной парадигмы или, как сказал бы Иммануил Валлерстайн, капиталистической мир-системы. Это накладывает ощутимый отпечаток на господствующую идеологию. Социальное неравенство вновь оправдывается культур-расистскими доктринами, едва прикрытыми эвфемизмами и политологическими клише. Например, замена понятия «культурная неполноценность» на «несоответствие демократическим стандартам» вряд ли может обмануть критически мыслящую аудиторию: эвфемизмы – продукт языка, а не социально-политической реальности.

Вместе с тем уже отчётливо видно, что ни военно-полицейская, ни финансовая системы неолиберального миропорядка, ни его идеология уже сегодня не справляются с бременем мирового господства. В противном случае поспрашивание демократических норм (как в случае с греческим референдумом или предвыборным закрытием дела Хиллари Клинтон) и реабилитация нацизма не были бы настолько явными и откровенными. По-другому – без таких грубых ситуативных подпорок – система уже не может работать, поскольку её несущие конструкции подламываются и трещат. Процесс этот идёт по нарастающей. Поэтому главный на сегодняшний день вопрос – успеет ли человечество выскочить из-под обломков этого рушащегося здания. И если да, то под какой новой идейной крышей оно сможет найти приют и относительную безопасность.

* * *

Назревший в обществе системный кризис является следствием идеологического монизма, который до сих пор исповедуется западным политиком под видом универсальных либеральных ценностей. В его основе лежит доктрина гуманизма, а если говорить точнее – гуманитарного монетаризма. Это и есть ядро современной неолиберальной доктрины.

Абсурдность данной идеологии очевидна: внимание к «частной личности» и нивелирующая, ничем не ограниченная власть капитала несовместимы. Роль идеологии гуманитарного монетаризма заключается в подмене человеческого – как индивидуального, так и коллективного – неподвижной «общечеловеческой» абстракцией, не имеющей непосредственного отношения ни к реальному индивидууму, ни к обществу в целом. Несмотря на идею

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 13–15.

неограниченного индивидуализма, эта концепция эффективно подавляет в первую очередь именно индивидуальность, поскольку ставит на место полноценной человеческой личности автономный социальный модуль, наделённый теми или иными формами ложного сознания. Она создаёт умозрительный конструкт «общечеловека» – навязанную идентичность, подчиняющую либо исключаящую другие идентичности.

Надо сказать, что доктрина «общечеловеческого» (исторически основанная на идее универсального естественного права) воплощает в себе наиболее совершенный на сегодня тип тоталитарного сознания. На уровне политики ценности гуманитарного монетаризма в наиболее полном виде отражены в неолиберальной идеологии.

Идеология гуманитарного монетаризма – детище эпохи Нового времени и Просвещения. Она характеризуется созданием картины общественных отношений, оторванной от их исторического референта. Именно в зазоре между практикой и теорией появился феномен «идеологии» в его современном, рационалистическом понимании.

Прямая религиозная легитимация социального порядка исторически уступила место легитимации посредством псевдологического замещения и камуфляжа социальной реальности. Вот почему практика либерализма кардинально расходилась с его книжной теорией, будь то работы Дж. Локка, И. Канта или К. Поппера. Сегодня гуманитарно-монетарная (либеральная) идеология остаётся по большому счёту неотрефлексированной в рамках порождаемых ею же самой норм научной рациональности.

Смена ветхой идеологической парадигмы на новую сдерживается отчаянным сопротивлением реакционных сил, прежде всего финансовых элит. Сопротивление мощное, но существует и проблема чисто интеллектуального порядка, поскольку смена парадигмы – это не только политическая, но и теоретическая задача.

Либеральная идеология не может быть в достаточной мере отрефлексирована в своих границах и взаимосвязях, поскольку мы погружены в неё и наши интенции опосредованы этой идеологией и навязанными ею сценариями культурного и интеллектуального поведения. Оптика критического взгляда в той или иной мере искажена. Лишь построение контрметодологии и следование ей позволяет гарантированно выйти за рамки либеральной парадигмы и преодолеть её явную и неявную нормативность.

Сегодня вполне очевидно, что либеральная идеология выполняет роль универсальной заглушки для критического мышления. Либеральные табу и фетиши вызывают негативную реакцию у мыслящей части общества, а критика словаря политкорректности стала рутинным занятием. Тем не менее, как выразился кто-то из современных философов, либерализм всё ещё живёт на такой глубине, куда не доходит свежий воздух открытой полемики. Идеино он девальвирован, а политически пока доминирует. Именно поэтому расчистка идейного пространства от устаревших политических мифов превращается сегодня в увлекательное занятие, на котором оттачивает свой метод всякий уважающий себя интеллектуал, – точно так же, как любой профессиональный скрипач обязан освоить капризы Паганини.

Но, констатируя завершённость либеральной идеологии, кризис её политического языка, всё же стоит сделать моментальный «снимок» уходящего либерализма из перспективы современности.

* * *

В начале XX столетия либерализм занял господствующие теоретические высоты и мог считаться всеобъемлющим идеологическим явлением, выходящим за рамки политических и экономических теорий, для которого подходит термин «интегральный либерализм».

Подобно коммунизму, либерализм начинает существовать как принудительный социально-правовой и социогуманитарный режим. Но в отличие от коммунизма либеральный тоталитаризм

литаризм имеет действительно всемирные масштабы. Экспансия капитала, достигая географических пределов, направляется «внутрь» личности, начинает претендовать на «всего человека» и пытается включить в пространство рыночного обмена идентичности, родственные отношения и сакральные феномены (религия, родина, семья, нация). В центре этой системы находится особый тип принудительных отношений («власть-экономика»), пронизывающий весь спектр социальных знаний и практик.

Поэтому сегодня есть все основания использовать понятия «либерализм», «либеральная модель» по аналогии с понятиями «коммунизм», «коммунистическая модель». Предпосылки для расширенного понимания термина сложились давно и отмечались уже век назад (например, у Бенедетто Кроче: «Либерализм – нечто гораздо большее, чем политические взгляды»). При таком подходе либерализм должен рассматриваться как господствующая политическая модель последнего времени, «эпохи после 1793 года», по определению И. Валлерстайна.

В XX веке либерализм поглотил другие политические идеологии (социализм и консерватизм), которые раньше считались политическими альтернативами. Социализм и консерватизм утрачивают свой антисистемный потенциал, их будущее в постлиберальной перспективе определяется возможностью их синтеза. Тотальный характер властных практик либерализма позволяет говорить о либеральной идентичности и контроле других идентичностей в рамках «либерального консенсуса».

Сегодня критика либерального популярна в среде левых авторов, в частности, она доминирует в работах И. Валлерстайна. Последний, в отличие от традиционных марксистов, склонен рассматривать буржуазный период как исторический зигзаг «самодержавия капитала», идущий в сторону от магистрального пути истории – постепенной эгалитаризации традиционного общества.

В настоящее время либеральная идеология испытывает кризис легитимности, и это обстоятельство является главной причиной превращения социальных и политических практик либерализма в авторитарную модель, нарастания влияния неоколониалистских и ультраправых тенденций в политике, что в целом может быть охарактеризовано как архаизация либеральной социальной системы. Прогнозирование сценариев будущих общественных изменений приводит к выводу о том, что в ближайшем будущем архаизация либерализма может усилиться вплоть до появления всё новых режимов и идеологических моделей неонацистского и радикально-фундаменталистского типа.

У философов есть такой термин – «либеральное состояние». Он сразу отсылает к понятию «состояние постмодерна» из одноимённой работы Ж. Ф. Лиотара². И эта отсылка очень важна для понимания обоих явлений. Собственно говоря, постмодернизм, понимаемый как царство всеобщей относительности, структурность без центра, как раз и составляет основу стиля мышления в эпоху зрелого либерализма.

Мнение о том, что тотальность современного либерализма в последние годы многократно возросла, высказывали многие. Например, в этом уверен исследователь левого направления, близкий к школе мир-системного анализа, Самир Амин, автор книги «Вирус либерализма»³. Правда, в отличие от И. Валлерстайна, он придавал своей концепции американоцентричное звучание (пусть и в негативном смысле), но на конечных выводах это не сказалось. Амин считает либеральную идеологию своего рода идейным «вирусом», который возник как побочный эффект экспансии капитала и ведёт к «перманентной войне». Он также подчёркивает религиозно-мессианскую составляющую в американской версии либерализма, утверждая, что политики США видят американцев в роли «избранного народа», что, по мнению Амина, синонимично *Herrenvolk* (расе господ), если вспомнить терминологию нацистов.

² См.: Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 1998.

³ Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007.

«Вирусная теория» Амина легко находит подтверждение в наблюдаемых фактах. Сфера не только общественных, но и гуманитарных наук сегодня в значительной степени несвободна от либеральных идеологем, в том числе (и даже в первую очередь) в части разметки проблемного поля и определения предмета изучения. Здесь и проблематика «другого», и изучение национальностей как «воображаемых сообществ», и регионалистика, изучающая мир как содружество регионов, а не наций, и конструирование идентичностей, и гендерные исследования.

Многообразие этих исследовательских направлений порой даже кажется избыточным, но в то же время у них есть общая особенность: они обречены двигаться по накатанным дорожкам, поскольку им не суждено выйти за рамки идеологически опосредованной системы знания. При всей смелости и раскованности мысли, авторы этих исследований призваны охранять канон, который нигде специально не манифестирован, но его присутствие ощущается едва ли не в каждой работе. Это состояние общественных и гуманитарных наук, характерное для эпохи позднего либерализма, можно назвать «фазой обскурации» (термин Л. Гумилёва).

Характерно, что эффект обскурации достигается не за счёт сужения, а за счёт направленного расширения спектра возможных позиций и отсутствия сколько-нибудь прозрачных критериев научной ценности. В этой ситуации перегруженности системными связями критическое осмысление каждой отдельной концепции затрудняется, как затрудняется аудирование связной речи в условиях помещения её в пространство искусственного информационного шума. Именно поэтому в публичных практиках современного либерализма отсутствует монолитность. Напротив, существует набор отклонений, допустимых в рамках генерального дискурса, – отсюда предсказуемость методов и выводов. При этом соблюдается главный принцип: всё в рамках консенсуса. Критика до известного предела допускается в рамках «плюрализма» и либеральной метафизики свободы.

Любая попытка выхода за рамки этого концептуального лабиринта рано или поздно возвращает исследователя в рамки консенсуса. В лучшем случае исследователь, ставящий перед собой такую задачу, попадает в одну из его подсистем (ориенталистика, «новый правый» консерватизм и т. п.). Поэтому наиболее интересным направлением гуманитарных исследований сегодня могут стать властные практики и инструменты эпохи позднего либерализма, от финансовых до языковых.

Либеральный дискурс всё чаще вызывает негативную реакцию у критически мыслящих интеллектуалов. Многие считают, что идейно он уже девальвирован, но в политике пока ещё доминирует. Вероятность смены идеологической парадигмы довольно высока. И как применительно к подобному случаю замечал Пол Фейерабенд, «нет необходимости говорить о психологических преимуществах, вытекающих из использования альтернатив. Действительно, если мышление ограничено рамками одной-единственной теории, оно может не заметить её наиболее уязвимых слабостей»⁴. Но что означает это теоретическое ограничение, как не более или менее явную нормативность?

Нормативность в исторически успешном обществе формируется целенаправленными инициативами его интеллектуального слоя. Эти инициативы задают эпистемическое пространство, то есть социальную аксиоматику, идеологию, нормы информационного обмена и верификации знаний, правила научного исследования – в широком диапазоне, от методов «нормальной науки» в понимании Томаса Куна⁵ до «научного мифа современности» в понимании П. Фейерабенда.

⁴ Фейерабенд П. К. Ответ на критику (комментарий к статьям Дж. Дж. Смарт, У. Селларса и Х. Патнэма) // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978.

⁵ «Под парадигмой я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» (Кул Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11); «Эта общность установок и видимая согласованность, которую они обеспечивают, представляет собой предпосылки для

Объяснительные модели (научные воззрения, социальная мифология, аксиологические системы и проч.), к о т о рые вырабатываются обществом для раскрытия смысла и целей своего исторического существования, собственно, и есть парадигма общественного знания. Можно говорить о присущих ей нормативах, которые, в свою очередь, определяют деятельность статусной группы интеллектуалов.

Фукианский тезис о том, что линия различий в истории общества играет более существенную роль, чем линия преемственности (что и объясняет феномен «смены культурных парадигм»⁶), также, на наш взгляд, требует уточнения. Я признаю это как факт современной истории, но считаю данную ситуацию характерной в основном для Нового времени. Возникшая в недрах позднелиберального общества «культура различий» использовала данную закономерность для имитации революционных процессов в обществе (бунт актуального искусства, уличные протесты). Эти симулякры революционности создаются по законам постмодернистского игрового сознания и шоковой эстетики, присущей contemporary art и другим культурным практикам.

Смена парадигмы означает изменение социальных норм, моделей поведения, устоявшихся нормативов экономической деятельности и социогуманитарных знаний. Такие перемены, говоря марксистским языком, — результат «расколдовывания мира». Результат открытия. Открытия нового чувства истории, новой исторической необходимости. «Открытие чаще всего — это не одноактное событие, а длительный процесс. Восприятие этих открытий учёными приводит к смене парадигмы, что часто встречает сопротивление»⁷.

Несмотря на сопротивление диспетчеров старого миропорядка, перемены уже начались, но нельзя изменить мир, пребывая в плену иллюзий. Необходимо определиться с новым словарём и новыми ценностями. Всякий новый взгляд на общество⁸ вынужден пробивать себе путь среди морально устаревших исторических и политических теорий. Именно поэтому для всестороннего анализа либерализма как современной идеологии необходима новая методология, использующая интеллектуальный инструментарий модерна, но отказавшаяся от его ценностей.

* * *

Существует немало определений идеологии. Причём интерпретация и использование самого этого понятия в огромной степени зависят именно от идеологических установок автора того или иного определения. В некотором смысле понимание идеологии есть не что иное, как самоопределение говорящего.

В общем виде идеология есть описание модели мира, общества и человека, обладающее предписывающей функцией, явной или скрытой нормативностью. Нередко говорят о «сконструированной реальности» идеологии и о её манипулятивных возможностях. Например, с точки зрения Карла Маркса, выработка идей всегда опосредована влиянием политической надстройки, экономических интересов и классовой принадлежности, из чего следует определение идеологии как «превращённой формы сознания» или «ложного сознания», выражающего групповые интересы, выдаваемые за интересы всего общества⁹.

нормальной науки, то есть для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления в исследовании» (там же. С. 29).

⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977; Фуко М. Археология знания. М., 1997.

⁷ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 86.

⁸ См. напр.: Перелом: Сборник статей о справедливости традиции. М.: Пробел-2000, 2013; Плаха. 1917–2017: Сборник статей о русской идентичности. М.: Пробел-2000, 2015.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Избранные сочинения: В 9 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1985.

Согласно Карлу Мангейму, идеология представляет собой искажённый образ социальной действительности, выражающий групповые интересы, – «гигантская социальная макрогипотеза»¹⁰. При этом главная функция идеологии, по К. Мангейму, – консервация, сохранение существующего порядка вещей. Прямая противоположность идеологии – «утопия», то есть система суждений, объясняющая необходимость смены этого порядка. Революционная утопия превращается в охранительную идеологию, как только такая смена действительно происходит.

Ханна Арендт рассматривала идеологию прежде всего как политическое орудие «тоталитарных режимов», претендующее на обладание «ключом к пониманию истории»¹¹. Примерно в том же духе высказывался и Карл Поппер, критиковавший исторический взгляд на общество как «историцизм» с преувеличенными эпистемологическими притязаниями¹².

Традиция «критики идеологии» XX века в лице Р. Барта, М. Фуко и др. поставила задачу исследовать идеологию в функциональном аспекте и говорить об идеологии без идеологии. Избежать идеологической нагруженности высказываний при этом, конечно, не удаётся. Согласно Р. Барту, идеология – это метаязыковой миф, паразитирующий на законах естественного языка и присваивающий его. В структурном отношении это «вторичная семиотическая система», или «вторичный язык», – определённым образом организованная коннотативная сфера высказывания, порождающая особого рода подтексты, «непрямые значения» и подтверждающая их социализации (по сути, та же самая опосредованность высказывания интересами социальных групп, что и у Маркса)¹³.

М. Фуко говорил о расщеплении любого знания на восприятие предмета, лежащего за границами дискурса, и оплотнённый образ этого же предмета, конструируемый средствами описывающего его дискурса¹⁴. Промежуточную сферу между дискурсивным и недискурсивным (точнее, инодискурсивным) планами восприятия как раз и заполняет идеология.

Идеология в широком смысле – это коллективный универсализирующий образ социальной реальности, легитимирующий властные практики и (или) экономические интересы, объясняющий, «зачем всё это нужно», тем, кто не является субъектом этих интересов и этих практик. С этой точки зрения идеология существует ровно столько же, сколько существует общество. Но возникает вопрос о том, целесообразно ли объединять термином «идеология» все социальные мифы, будь то эпоха Тиберия, Каролингов, Макиавелли, Наполеона, Ленина. Или всё-таки история социал-легитимирующих систем требует какой-то градации?

Возможна точка зрения, в рамках которой не всякие общественные взгляды следует называть идеологией. В частности, из-за того, что сам термин «идеология» в его нынешнем понимании появился только в эпоху Просвещения. Поэтому и феномен идеологии, обозначаемый этим термином (то есть взятый в узком смысле), должен считаться неотъемлемой частью интеллектуальной культуры и философии эпохи модерна.

Специфика же характерной для модерна «идеологии» (в отличие от идеологии в широком смысле) предполагает объяснение системы социальных отношений и взаимосвязей не только и не столько посредством метафизических допущений (по принципу «феодал должен служить государю, рыцарь – защищать государя и государство, крестьянин – обеспечивать их всем необходимым, священник – молиться за всех»), как при феодальном строе, сколько с созданием некоего вымышленного образа, заслоняющего, камуфлирующего социальную реальность. Образа, не просто объясняющего, но намеренно искажающего её картину. При этом возможность разноректорных сдвигов и изменений внутри такого образа социаль-

¹⁰ Мангейм К. Идеология и утопия. М., 1999.

¹¹ Arendt H. The origins of totalitarianism. San-Diego, 1999.

¹² Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

¹³ Барт Р. Мифологии. М.: Директ-Медиа, 2007.

¹⁴ Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.

ной реальности – в частности, в связи с определённой степенью «свободы мнений», характерной для общества модерна, – создаёт богатую основу для логико-семантических спекуляций и манипуляций сознанием реципиента.

Сегодня уровень рационально-критической разработанности и фундированности идеологий снижается, уступая ведущую роль мифорелигиозным элементам. Мифичность современных идеологий растёт, в соответствии с чем меняется и язык идеологии, параметры идеологического пространства в целом. В политике объяснительная функция идеологии уступает место формированию не критичного, не магического сознания, склонного к наивному восприятию политических идей и проектов.

Идеология и утопия, если следовать дихотомии К. Мангейма, в современном обществе не просто противостоят друг другу. Утопия становится частью идеологии, и это поглощение лишает утопию эксклюзивного права на присущую ей модальность и стилистику. Изменить эту ситуацию носитель утопии не может, поскольку не обладает необходимым доступом к информационным ресурсам. Информационная монополия ведёт к тому, что общее информационное пространство как некая целостность поддерживается директивно посредством «фабрик общественного мнения», специализирующихся на производстве политических мифов и информационных вбросов. Так выглядит авторитаризм в условиях постиндустриального общества и либеральной «свободы мнений». От модели идеологии, описанной в XIX–XX веках, современная идеология отличается тем, что помимо интересов и потребностей человека полностью формирует его идентичность.

Важнейшее условие при изучении политической идеологии состоит в том, что её нельзя рассматривать в отрыве от социально-экономических отношений: именно их идеология обслуживает и потому является производной от этих практик. Этот принцип важно соблюдать и при подходе к проблематике религиозности и секулярности. Де-факто категория секулярного стала результатом своеобразного удвоения категории религиозного. На первом этапе это была наивная попытка придать статус «антирелигии» одной из возможных форм коллективного сознания, которая неизбежным образом включала в себя как рациональный, так и мифорелигиозный элементы.

В отличие от религии с её прямой и недвусмысленной нормативностью идеология создает политические мифы посредством работы с коннотативной сферой языка в качестве альтернативы «средневековой автократии». Эта антитеза предопределила процессы секуляризации и маргинализации традиционных религиозных институтов в обществе модерна.

Как уже было сказано, в отличие от прямой легитимирующей функции религии в «традиционном обществе» идеология в эпоху модерна играет роль камуфляжа, который скрывает реальную картину общественных отношений. Например, с момента своего возникновения либерализм отстаивал критическое отношение к государству, отвергая идею любых видов самодержавия. Между тем в либеральном обществе развились негосударственные формы автократии – «самодержавие капитала», «рыночный фундаментализм», абсолютная власть финансовой олигархии. Принципы политической ответственности граждан не работают, поскольку партийное представительство есть не что иное, как манипулятивный инструмент, способ имитации демократии, понимаемой в исконном смысле («власть большинства», «приоритет интересов большинства»). В комплекс идей классического либерализма входит утверждение абсолютной ценности человеческой личности и равенства в правах. Но очевидна избирательность в защите прав и свобод институтами либерального общества, несимметричность правоприменения.

В сущности, ещё в эпоху колониализма существование колониальной ренты сделало неизбежным скатывание либерального модерна к контрмодерну, то есть различным формам открытого расизма и фундаментализма. Это происходило как в XX, так и в начале XXI века. Сохранение мифа превосходства (деление на «цивилизованные и нецивилизованные» страны

и нации), глобальная система правил и штабная экономика, принцип тотального контроля над рынками вместо провозглашаемой свободной торговли – всё это говорит о камуфлирующей функции идеологии. Рыночное общество, в котором всё продаётся, включая власть, парадоксальным образом сделало невозможной свободную экономическую конкуренцию в равных условиях, что и породило формулу «капитализм против рынка» (Ф. Бродель). И сегодня в полном соответствии с этими тенденциями либерализм с приставкой «нео-» эволюционирует в сторону жёстких стандартов и однополярности. Последняя напоминает международные отношения, существовавшие до появления «вестфальской системы», а именно средневековый принцип папской санкции на власть, что явно указывает как на недостаточность объяснительных возможностей теории классического либерализма, так и на архаизацию либеральной модели общества.

Поэтому как исследователь, так и политик оказываются в двусмысленной ситуации. Явления, которые они вынуждены описывать прежними терминами, указывают на глубокую трансформацию либерального общества. Пересмотр моделей его описания не может быть удовлетворительно осуществлён в рамках неолиберальной идеологии и прежней социогуманитарной парадигмы. Возникает когнитивный диссонанс.

Для примера стоит вспомнить о поддержке политическим истеблишментом противоположных идеологических трендов в разных частях света. Например, марксизм едва ли не поддерживался в европейских университетах и в Латинской Америке, но одновременно с ним велась непримиримая борьба в странах зоны Варшавского договора. Поддержка польской «Солидарности» означала поддержку антикоммунистического, правого, а затем и ультраправого (со времён президента Качиньского) курса в Восточной Европе. При этом левые идеи в самих западных университетах считаются до известной степени допустимыми и консенсусными, приемлемыми, поскольку речь идёт об ослабленной, «лабораторной» форме левой идеологии – её присутствие не только не вызывает беспокойства, но является подобием идеологической прививки.

В условиях замены политических принципов политтехнологиями радикальные, левые, фундаменталистские – любые системы взглядов – автоматически становятся приемлемыми в той или иной системе координат. Сценарная сторона политики перевешивает и вытесняет собственно идеологию: вместо идеологий используются условные идеологические маркеры. Либеральный политик всё чаще вынужден задействовать в своей деятельности постмодернистские принципы, следовать «релятивистской норме». Именно релятивизм в идеологии и, как следствие, в этике маркируется как политическая и этическая норма. И наоборот: любая идеология может оцениваться как экстремистская и тоталитарная, если она позиционирована как неизменный принцип, а не в силу политической целесообразности момента.

Доминирующими оказываются два принципа: «убеждения – зло» (независимо от содержания) и «обо всём можно договориться». Нет сомнения в том, что отстаивание классических либеральных принципов, если бы оно было достаточно последовательным, в современной политической практике получило бы статус «экстремистского».

* * *

Либерализм давно уже не только идеология. Он сделался универсальным политическим и экономическим сценарием «без вариантов», ежедневно умножающим число своих жертв.

Если прежде в либеральной среде было принято рассуждать об обществе равных возможностей, то неолибералы считают, что «равные возможности» – это угроза для обладателей экономических привилегий. Но отход от идеи «равных возможностей» – очевидный шаг в сторону сословного государства. То есть того самого явления, с которым призывали покончить

европейские буржуазные революции XVIII века, в лоне которых окреп и вырос либеральный проект.

Таким образом, либерализм пришёл к отрицанию собственных «священных» ценностей. Сегодняшний либеральный мир в ценностном смысле опустился ниже планки 1789 года. Это позволяет охарактеризовать его экономическую модель уже не как поздний капитализм, но как денежный феодализм, и всё это, безусловно, свидетельствует о глубочайшем кризисе либеральной теории.

Экономическое угнетение в условиях мирового кризиса усиливается. Но теперь оно сопровождается жёсткими мерами глобальной «экономии». Одной из таких мер является постепенная пролетаризация, а фактически сбрасывание с баланса среднего класса. Другая мера связана с попытками расшатать мировую периферию и дестабилизировать политическую жизнь ряда стран и регионов.

Модель, которую США навязали миру в 1990-е, предполагала контроль над местными элитами за счёт эмиссионного ресурса доллара. Но износ Бреттон-Вудской системы и мировой кризис поставили под вопрос мессианскую концепцию гегемонизма. Отсюда и стремление к военной агрессии, которая не может восстановить долгосрочную устойчивость системы, но способна на короткое время восстановить порядок. Если раньше речь шла о лидерстве ради поддержания баланса в мире, то сегодня США не могут обеспечить выполнение своих собственных правил игры, поэтому ни о какой «модернизации» и программах «структурного приспособления» речь не идёт. Речь идёт о выживании ядра системы за счёт всего остального мира.

Война – самый безнравственный, но и самый верный способ этого достичь. Война – это тотальное списание долгов, отмена обязательств, толчок технологичной экономике двойного назначения. Хаос может замедлить сползание в пропасть. Вот почему США «поджигают» мировую периферию, и западные авторы из числа «левых», такие как лингвист и философ Ноам Хомский (автор «Прибыли на людях» и других книг), говорят о том, что на фоне разговоров о терроризме США являются главным террористом в современной политике.

Изменение экономической системы общества неизбежно повлечёт за собой изменение его «надстройки», в том числе сферы права. Либеральное естественное право, отделённое от справедливости, рано или поздно входит с ней в конфликт. Универсальная юрисдикция – философско-правовая утопия, которая всегда демонстрирует избирательность и невозможность правового равенства и, как следствие, невозможность справедливости.

Но либеральная идеологическая модель вызывает всё больше вопросов. Вот несколько примеров. 20 % – такова стандартная квота участия иностранного капитала в медиабизнесе, считающаяся нормальной на Западе. В России уменьшение доли иностранного капитала вызывает в СМИ немотивированную негативную реакцию либерального сообщества. В Европе за осквернение религиозных объектов (храмов) и разжигание религиозной вражды предусмотрена мера ответственности от полугода до нескольких лет. Приговор Pussy Riot в России вызвал тем не менее негативную реакцию того же самого сообщества. В США существует и ни у кого не вызывает вопросов «Закон о патриотизме». В России само понятие «патриотизм» подвергается маргинализации.

В США закон об «иностранцах агентах» существует с 1936 года, и, хотя принимался он в преддверии мировой войны, этот закон легко пережил Вторую мировую и холодную войны, «расслабленность» 1990-х, несостоявшийся «конец истории» и возобновившееся «столкновение цивилизаций» и прекрасно существует поныне.

В России принятие такого закона вызвало ультимативное противодействие либерального меньшинства, для которого строгость «демократических стандартов» компенсируется избирательностью их применения. То есть население страны и мира делится на «правовую» и «неправовую» части, граждан и «неграждан». Это свидетельствует об авторитарной установке, уxo-

дящей корнями в колониалистские комплексы либерального сознания и отрицающей нормы классической демократии.

Каково же будущее либеральной миросистемы? Она неизбежно будет терять остатки легитимности, упрощаться, ужесточаться и архаизироваться. Или, другими словами, проваливаться в собственное колониалистское прошлое. Либеральный проект, оставшись без добавочного политического модуля, становится всё агрессивнее. И этот тоталитарный либерализм ждёт неминуемый моральный и исторический крах в глазах не только угнетаемых им наций, но и самого западного общества, хотя отсутствие альтернативных проектов может растянуть этот процесс на десятилетия. Но удержать status quo уже не получится.

* * *

Сегодня либеральная идеология ещё господствует в мире, но это последний отрезок её жизненного пути, поскольку кризис либерализма необратим. Призывы вернуться к истокам, возродить либеральный канон – бессмысленны, так же как предложение «вернуться к ленинским заветам», звучавшее в эпоху так называемой перестройки в СССР. Эти призывы имеют целью сохранить сакральность самой либеральной идеи, но цель эта довольно призрачна, поскольку утрата сакральности и легитимности либерализма – неизбежное следствие двойных социально-политических стандартов современных правящих элит.

В России выразили соболезнование родственникам погибших сотрудников журнала «Charlie Hebdo» и всему французскому народу в связи с терактом. Но мы не помним аналогичного жеста со стороны французов в ответ на сожжение людей в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 года неонацистскими радикалами¹⁵. Аналогичный случай – имена семидесяти детей, убитых украинской артиллерией, высеченные на гранитных плитах на «Аллее Ангелов» в Донецке. И по этому поводу тоже – глухая тишина. Но вряд ли убийство во имя идеалов Петлюры и Бандеры лучше тех, которые совершают, прикрываясь именем пророка Мухаммеда. Значит, согласно современным западноевропейским понятиям, гарантии прав и свобод не для всех одинаковы. Не следствие ли это застарелых колониалистских комплексов? Других причин, к сожалению, нет.

Ещё один пример, внутрироссийский. 84 % россиян в 2014 году поддержали освобождение Крыма и его возвращение на родину. Но представители либерального лагеря до сих пор не стесняются утверждать, что 84 % – это «главная проблема России» для оставшихся 16 %. Если так выглядят эталонные демократические стандарты, неудивительно, что они вызывают массовое отторжение в российском обществе.

Данный пример хорошо показывает, почему выражение «либеральная демократия» – такой же оксюморон, как «сухая вода» или «горячий снег». В России так называемая оппозиция оказалась куда авторитарнее, чем условная «власть».

На деле она не оппонирует власти, а подталкивает её в нужном для себя направлении, помогая идти заданным курсом.

* * *

Последние десятилетия в мировой политике наблюдалось безраздельное владычество неолибералов и их американской разновидности – «неоконов». Последних ещё иногда называют неотроцкистами (по причине связей ряда представителей этого направления с Восточной Европой), и это очень верно. Поскольку к собственно консерватизму данное явление имеет

¹⁵ Эта трагедия получила в обществе название Одесской Хатыни.

крайне отдалённое отношение. В основе неолиберальной и неоконсервативной идеологии – власть транснациональных финансовых групп и постоянный «экспорт демократии» – словом, военно-политическая экспансия. По духу это очень напоминает колониалистскую политику XVII–XIX веков.

Продвижением идей и интересов этой мировой транснациональной империи занимается ряд институтов и фондов типа «Rand», NED, USAid и PNAC. Их идеология базируется на трудах Лео Штрауса, Милтона Фридмана и Айн Рэнд. Она подразумевает некую форму эзотерической элитарности, когда править должны «капиталистические элиты», а «плебейские массы» должны быть устранены от управления государством. Особенно ярко это выражено в «библии либертарианства» – романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи».

Взгляд на социальное большинство (именуемое «деplorантами», «реднеками» и т. п.), а также на жителей окраин мира как на «мясо истории», на её расходный материал, проявляется, в частности, в концепции «гуманитарных интервенций». Фактически речь идёт о праве подменять собой провиденциальный фактор в истории. Очень ярко этот фаустовский и вместе с тем мефистофельский подход проявился, например, в ливийском сюжете, связанном с президентом Муамаром Каддафи, который был попросту ликвидирован. Гуманитарно обоснованный акт государственного терроризма нашёл чеканное отражение в саркастической реплике Хиллари Клинтон: «Мы пришли, мы увидели, он умер». Здесь надо отметить, что «We came, we saw, he died» – это не просто обыгрывание хрестоматийного «Veni, vidi, vici», принадлежащего Юлию Цезарю. Представительница высшего политического слоя США произнесла эти слова, увидев в своем айфоне фотографию изувеченного человека, зверски убитого. После чего вальяжно и радостно рассмеялась. Это не просто жестокость, это очевидная девиация, моральная невменяемость, имманентно присущая современному либеральному сознанию. И ощущением этого безумия была пропитана вся атмосфера президентства Барака Обамы.

* * *

Тем не менее, как уже было сказано, сегодня западный мир оказался в той же ситуации, что и поздний СССР. Лидеры западного общественного мнения вынуждены сказать то же, что когда-то произнёс Юрий Андропов: «Мы не знаем общества, в котором живём». Вполне очевидно, что продолжение существующего курса ведёт к катастрофе.

Поэтому, собственно, уже сейчас не существует Запада как единого пространства институтов и ценностей. В 2016 году в своём выступлении на Всемирном Русском Народном Соборе Святейший Патриарх Кирилл заявил: «Важно понимать, что то, что мы называем обобщительно „западный мир“, представляет собой далеко не однородную субстанцию. Есть глобалисты-транснационалисты, есть христианские традиционалисты, есть националисты-евроскептики, есть левые. И сегодня всякий раз необходимо уточнять: о какой Европе идёт речь? „Европ“ сегодня много. У одной религиозные ценности, у другой узконациональные, у третьей глобалистские. Нам надо понять, как относиться к каждой из них... Современная модель общества всё менее способна воспроизводить себя. Она уже не в состоянии следовать тем идеалам, которые были начертаны на знамёнах буржуазных революций XVI–XIX веков. Слова „братство“ и „равенство“ давно ушли из либерального политического словаря, а ведь когда-то они занимали в нём очень важное, можно сказать, центральное место. Зато появилось много уточняющих определений слова „демократия“, что как раз и свидетельствует о проблемах с демократическими институтами и принципами. Та же история с правами человека. В одних точках земного шара их нарушения не замечают, в других – обращают пристальное внимание

и даже гиперболизируют. Но существуют признаки, которые свидетельствуют о возможной постепенной смене мировоззренческих координат»¹⁶.

Почему наблюдается утрата прежнего единства? Потому что из глобального кризиса каждый ищет выход в одиночку. Бывший «Запад» вновь превращается из политического в географическое понятие. США, Британия, Германия, Франция, Южная Европа, Восточная Европа объективно движутся в разных направлениях под действием центробежных сил истории. Ветер перемен дует одновременно во все стороны. Мировой кризис имеет не только экономическую основу. В кризисе пребывает и либеральная идеология: культ украденной свободы испытывает проблемы, механизм имитации и воспроизводства идеологически выдержанной реальности даёт сбой.

Универсалистская матрица единого коллективного сознания распадается, как это было и в период краха коммунизма. Для внимательного взгляда эти процессы напоминают эпизод разрушения города, описанного в набоковском «Приглашении на казнь». «Мало что оставалось от площади. Помост давно рухнул в облаке красноватой пыли. Последней промчалась в чёрной шали женщина, неся на руках маленького палача, как личинку. Свалившиеся деревья лежали плашмя, без всякого рельефа, а ещё оставшиеся стоять, тоже плоские, с боковой тенью по стволу для иллюзии круглоты, едва держались ветвями за рвущиеся сетки неба. Всё расплзлось. Всё падало. Винтовой вихрь забирал и крутил пыль, тряпки, крашенные щепки, мелкие обломки позлащенного гипса, картонные кирпичи, афиши; летела сухая мгла».

¹⁶ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на XX Всемирном Русском Народном Соборе. 1 ноября 2016 г. // Эл. ресурс: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4656175.html>

Глава 2

Реальный либерализм и судьба модерна

Окно в новую методологию. – В бермудском треугольнике теорий. – Мир-экономика и мир-империя. – Либерализм и колониализм. – Загадка глобализации. – Колониальный бумеранг. – Диктатура. – Процентная ставка гуманизма. – Большой нарратив. – Вторая схоластика. – Общество-машина и культ рациональности. – Исторический агностицизм. – Закон вместо нравственности. – Юридизм. – Экспертократия. – Денационализация права. – Слом Вестфалья. – Либерализм и коммунизм. – Сакральная экономика нового типа. – Маркетинг освобождения. – Креаклит и традиция. – Возвращение контрмодерна. – Архаизация системы и новая дикость.

* * *

Описывая современную мир-систему, И. Валлерстайн включает в неё, помимо мир-экономики, множество других компонентов: мир-политику, мир-информацию и т. п. Сторонний наблюдатель должен поинтересоваться: зачем понадобилось объединять в одно целое – в рамках концепта «мир-» – разные предметные сферы, идя наперекор привычной отраслевой классификации общественных наук. Это важный, интересный и очень непростой вопрос.

Начнём с того, что любой предмет исследования частично сформирован методами самой науки. Её концептуальный каркас, будучи «наброшен» на предмет анализа, так или иначе искажает его, выстраивает под себя. Таковы неизбежные издержки исследовательской оптики. Правда, научное сообщество не всегда спешит вовремя найти и признать возникающую погрешность. Отсюда бесконечные споры вокруг конвенциональности науки и природы научных гипотез, вокруг процедур верификации и фальсификации. Наблюдающийся в настоящее время кризис общественных наук возник в числе прочего и из-за проблем с методологией, обозначенных ещё в XX веке как с позиций верификационизма Т. Куна, так и в рамках фальсификационизма К. Поппера и методологического анархизма П. Фейерабенда.

При этом надо учитывать, что именно в общественных и гуманитарных науках процедуры верификации особенно затруднены и ненадежны. Но сегодня ангажированность общественных наук вышла далеко за рамки чисто методологических споров. В отличие от области естественно-научной, здесь *идеологизация метода* достигла куда более высокой степени, чем, например (для сравнения), влияние классовой теории на биологию и языкознание в советское время.

В СССР классовый подход открыто декларировался. Образованный, критично мыслящий человек при желании мог сделать поправку на идеологический коэффициент высказывания и отделить собственно науку от идеологии. Надёжно замаскировать эту границу было не так уж просто. Именно поэтому власть вынуждена была применять репрессивные меры против несогласных. Сегодня арсенал информационных и социальных технологий направлен на то, чтобы разграничительные линии между наукой и идеологией были надёжно размыты. От этого принуждение не перестаёт быть принуждением. Зато немалая часть экспертного сообщества добровольно выполняет эту грязную работу, которую в Советском Союзе выполняли патентованные идеологи и пропагандисты. При сегодняшнем либеральном режиме механизмы общественного контроля куда более совершенны, чем 30–50 лет назад, а общество в целом куда более конформно и авторитарно.

Именно с этим обстоятельством связан научно-методологический бунт И. Валлерстайна и его школы мир-системного анализа. Этот бунт возник не на пустом месте. Он был направлен, хотя это лишний раз и не подчёркивалось, против идеологического фарисейства и шарлатанства в сфере общественных наук. Сломать инструментарий аппарата интеллектуального принуждения посредством дискуссий и споров невозможно. С противником – идеологизированной псевдонаукой – нельзя бороться по его правилам и на его территории. Необходимо отвергнуть саму «методологию принуждения», то есть отказаться от основной части категориального аппарата современной общественно-гуманитарной сферы, обременённой изжившим себя, устаревшим идеологическим заданием. В пространстве научного знания необходимы новые демаркационные линии для ведения полноценной дискуссии о государстве, обществе, экономике, человеке. Этот кажущийся интеллектуальный радикализм сегодня и необходим, и неизбежен. Если не переформатировать проблемное поле социогуманитарной сферы, неизбежная смена парадигмы, как это уже не раз бывало, может произойти с серьёзными потерями и не в интересах общества в целом.

Современный либеральный режим на первый взгляд не очень похож на того Левиафана, которого описывал в своем знаменитом трактате Томас Гоббс. Но именно поэтому необходима разборка и обратная сборка гуманитарно-идеологической модели, которая репрезентирует сущность властных механизмов в современном обществе. А решение данной задачи неизбежно влечёт за собой смену общественно-научных конвенций, в том числе прежних принципов дисциплинарного разделения в сфере общественно-гуманитарных наук. Именно поэтому у И. Валлерстайна и его последователей части мир-системы не разделены как научные сферы. Напротив, на данном этапе они накладываются, пересекаются, отражая состояние турбулентности и диффузии общественного знания, находящегося в промежутке между двумя парадигмами – старой, либеральной, которая уже не удовлетворяет потребностям общества, и новой, переход к которой ещё не совершён.

Это не методологический произвол, а неизбежный ответ на идеологизацию, которая до сих пор осуществляется как научным, так и экономическим истеблишментом в сфере социальных исследований. Распутывая этот клубок, отделяя друг от друга «нити идеологии», необходимо рассмотреть идеологический узор с изнанки, где видны их подлинные взаимосвязи. Или, как сказал бы сам И. Валлерстайн, пришло время сделать проём в стене устаревшего знания, высунуть голову наружу и взглянуть за пределы того замкнутого идеологического и методологического пространства, в котором социальные науки и вся гуманитарная сфера пребывали в последние два-три века. То есть «прорубить окно» в новую методологию.

Начать можно с темы догоняющей модернизации.

* * *

Доктрина «вторичной», или «догоняющей», модернизации – одна из священных коров современного либерализма. Эта доктрина многократно подвергалась критике и с левых, и с консервативных позиций за несоответствие экономическим и политическим реалиям. «Догоняющее» развитие признавалось невозможным в силу глобальной зависимости – долговой, политической, технической, институциональной – аутсайдеров мировой экономико-политической системы от стран-лидеров. В условиях зависимости любые экономические достижения и бонусы «догоняющей» страны с помощью финансовых и политических механизмов перераспределяются в пользу лидеров. А рекомендации лидеров аутсайдерам направлены как раз на консервацию зависимости.

Дело в том, что лидерство стран «первого» мира гарантировано им устройством мировой финансово-экономической системы, которое они бдительно охраняют. Так, социальные гарантии и кредиты в развитых странах возможны за счёт высоких темпов вывоза капиталов из

стран-доноров. Есть и другие формы зависимости, связанные с мировым разделением труда, захватом национальных рынков, неэквивалентным обменом, кабальными обязательствами по отношению к международным институтам, изменениями в правовой системе стран-аутсайдеров, а также с политическим и военным вмешательством.

В последние десятилетия теория вторичной модернизации обросла разветвлённой политической мифологией. В таком виде она представлена, например, у Ф. Фукуямы в книге «Конец истории и последний человек», которая вышла в начале 1990-х¹⁷. Название книги говорит само за себя. Либеральная модель мироустройства рассматривается Фукуямой как совершенная и не требующая изменений. История, согласно Фукуяме, приходит к достижению сбалансированной, бесконфликтной модели общества и, как в романе Салтыкова-Щедрина «История одного города», «прекращает течение своё».

Однако уже события 11 сентября 2001 года показали, что предсказание конца истории было, мягко говоря, преждевременным. А события в Сирии и на Ближнем Востоке в целом, мигрантская проблема, гражданская война на Украине показали, что история не только не окончена, но с шага переходит на рысь и галоп.

Но вернёмся к идеологии догоняющей модернизации. Ещё во времена великих географических открытий и раздела мира официально считалось, что «развитые» европейцы могут диктовать свою волю «менее развитым» соседям. Современная идея модернизации использует тот же самый тезис, только диктат главных мировых игроков имеет чаще идеологический и экономический характер, нежели военный. Но в последние годы явно прослеживается тенденция к изменению пропорции (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Украина). Если очередная «страна-изгой» не сдаётся, добавляются веские аргументы в виде «гуманитарных бомбардировок» и силового принуждения к миру.

Можно было бы много сказать о двойных стандартах глобального либерализма, но в данный момент важно другое: каковы объяснительные возможности либеральной модели истории? Сами по себе они невысоки. Прежде всего: экономически зависимые страны (мировая «периферия») не могут, продолжая следовать предложенным правилам игры, выйти из состояния экономической зависимости. Либерал-эволюционизм сегодня намеренно симулятивен и служит для прикрытия неокOLONиальной модели отношений. Поэтому теория «догоняющего развития» имеет предельно идеологизированный характер и предлагает неубедительную картину мир-экономики, напоминающую муляж или раскрашенную декорацию. Это внешне узнаваемое изображение, из которого словно бы изъяты системные взаимосвязи.

¹⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.